

О РУССКО-КАРЕЛЬСКОМ
ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
(по материалам свадебной обрядности
конца XIX—начала XX в.)

Традиционная брачная обрядность является одним из источников для изучения этнической истории народа, особенностей его этнокультурных связей с другими народами. Это достаточно хорошо видно на примере карельского материала.

Карельская народность сложилась в ходе многосторонних этнических процессов, в которых участвовало население обширной территории от Приботни и Беломорья на севере и до Верхнего Поволжья на юге.¹ Условия взаимодействия карел с соседними народами (вепсами, саамами, финнами, русскими и др.) были различными. Взаимоотношения с вепсами, например, были когда-то весьма тесными, и под влиянием вепсского субстрата в составе карельского народа образовались даже особые этнолингвистические группы — ливвики и людики; с появлением в Посвирье и Прионежье русского массива непосредственные контакты между карелами и вепсами в сущности прервались. С древнейших времен вплоть до наших дней карелы находятся в контакте со своими северными соседями — саамами, однако, несмотря на длительность этнических и культурных связей между обоими народами, их взаимовлияние, видимо, не проникло далеко за пределы контактной зоны, постепенно смещавшейся к северу. Определенные следы оставил на традиционной карельской культуре влияние западных соседей — финнов, а с другой стороны, известно, что карелы внесли заметный вклад в этногенез финского народа и в финскую национальную культуру.

И все же в силу целого ряда исторических причин взаимодействие карел с перечисленными выше народами (не говоря уже о более мелких этнических группах) по степени интенсивности не идет ни в какое сравнение с их этнокультурным взаимодействием с соседним русским населением. Существует мнение, что именно оно определяло в основном направление разви-

¹ Об участии карел в этнических процессах на Северо-Западе СССР см.: Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы в Советской Карелии. — В кн.: 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970; Клементьев Е. И., Рягов В. Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.). — В кн.: Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976, с. 62—68.

тия карельского народа по линии все большего языкового и культурного сближения с русским народом.² Следы русского влияния настолько ярки и разнообразны, сходство между культурой карел и соседних русских настолько велико, что некоторые исследователи видят в этом доказательство культурной ассимиляции карел русскими.³

Своеобразие и богатство традиционной карельской культуры убедительно раскрыто советскими этнографами и фольклористами Г. С. Масловой, Р. Ф. Тароевой, В. Я. Евсеевым, У. С. Конкка и др. Автору тоже приходилось отмечать этническую специфику карельской культуры на материалах свадебной обрядности.⁴ Поэтому в данном случае нас интересуют не столько самобытные черты карельской культуры и свадьбы в частности, сколько черты, сближающие ее с русской свадьбой. Не касаясь при этом аналогий, которые могут быть объяснены сходными условиями (экономическими, социальными, культурно-бытовыми и т. д.) жизни карельского и русского крестьянства в дореволюционной Карелии, обратимся к таким элементам обрядности, которые представляются либо прямыми заимствованиями из русской свадьбы, либо результатами ее влияния, одновременно показав некоторые примеры обратного, карельского влияния на северорусскую свадьбу. Тем самым мы продвинемся вперед в деле изучения этнокультурного взаимодействия карельского и русского народов.⁵

Становление карельского свадебного ритуала проходило, как известно, «под очень большим влиянием русской свадебной традиции».⁶ Это влияние усиливалось в ходе дальнейшей эволюции карельской свадьбы, которая проявлялась в постепенном усложнении ритуала и обогащении состава обрядности в основном за счет элементов, заимствованных из русской свадьбы или возникших под ее воздействием. И хотя далеко не все эти элементы получили в карельской свадьбе повсеместное распространение, однако их разнообразие, многочисленность и явная тенденция к экспансии свидетельствуют о главном направлении эволюции — сближении с северорусской свадьбой.

² Клементьев Е. И., Рягоев В. Д. Некоторые особенности..., с. 78 и др.

³ Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-финской ССР. — СЭ, 1941, № 5; Баранцев А. П. Карельская письменность. — В кн.: Прибалтийско-финское языкоизучение. Л., 1967, с. 94.

⁴ Сурхаско Ю. Ю. 1) Об историко-этнической типологии карельской свадьбы. — СЭ, 1972, № 4 (далее: Сурхаско, 1972); 2) Козичендашаува — жезл колдуна на карельской свадьбе. — Сб. МАЭ, Л., 1972, т. 28 (далее: Сурхаско, МАЭ); 3) Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977 (далее: Сурхаско, 1977) и др.

⁵ Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977 (далее: Чистов, 1977).

⁶ Липевский А. М. Руны «Калевалы» как исторический источник. — Тр. юбил. научн. сессии, посвящ. 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950, с. 139.

Так, среди значительной части карельского населения вошло в обычай согласование о расходах в ходе сватовства: сколько и каких даров должна преподнести сторона невесты родичам жениха, какую сумму приноса («деньги за голову», «вино за голову» и т. п.) должен внести жених, каковы размеры и состав приданого невесты. Конечно, сам по себе обычай рядиться о расходах сторон вполне мог быть обусловлен развитием капиталистических отношений в карельской деревне, однако факт бытования его в сравнительно узком ареале,⁷ примыкающем к русскому массиву, где подобным экономическим вопросам уделялось при заключении свадебных договоров особое внимание, позволяет говорить о заимствовании. Заметим, что большинство карельского населения (КАССР) еще в начале нашего века придерживалось обычая, по которому невесте полагалось одаривать всю родню жениха, и поэтому рядиться о количестве подарков не имело смысла; состав приданого тоже определялся в основном традиционными нормативами.

В свадебном ритуале южных и верхневолжских карел важное место занимал (как и в северорусской свадьбе) обряд «смотренья места» (*sijojen kašonda*), целью которого было показать невестиной стороне, насколько зажиточно живет жених; при этом сторона жениха могла прибегать даже к обману, чтобы создать видимость богатства, как это принято было, например, у весьегонских карел и у русских.⁸ Однако в ряде районов средней и северной Карелии официальное посещение дома жениха родственниками невесты носило характер торжественной госты, и главным действием обряда считалось угощение. Можно полагать, что первый из названных вариантов визита — с осмотром хозяйства и подчеркнуто экономическим интересом — возник у карел под воздействием русской свадьбы. Второй же вариант — «без смотренья» — представляется более архаичным и соответствующим карельской этнической традиции. Впрочем, в подобных визитах с угощениями финский этнограф А. Хямляйнен тоже видел русское влияние.⁹

В числе общепринятых в карельской свадьбе элементов юридического и экономического характера, русское происхождение которых не вызывает, на наш взгляд, сомнений, следует назвать такие обычай, как скрепление заключаемого брачного договора — подобно торговой сделке — рукобитьем, благословение брачующихся хлебом-солью и иконой, осыпание новобрачных зерном

⁷ Сурхаско, 1977, с. 94, рис. 5, 4.

⁸ М а п ж и и К. В. Описание карельской свадьбы в Весьегонском районе Каллининской области, 1959 г. — АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 17, с. 21; М а п ж и и К., Ц и п ц и у с В. Северно-великорусская свадьба. — В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, с. 40.

⁹ Hämäläinen A. Mordvalaisten, tšeremissien ja votjakkien kosinta — ja häätovoista. Helsinki, 1913, s. 46—47.

и т. п. при встрече в доме жениха; некоторые разповидности выкупов: девушкам, занявшим стол, устроителям «застав» на пути молодых и т. д.; собирание «пособий» путем обрядового угощения свадебников (на так называемую «чарку») и многие другие. Правовое значение также имел широко соблюдавшийся среди карел, хотя и не ставший еще обязательным, обычай спрашивать перед сватовством согласие родителей невесты на приход сватов (ср. «спрос» в русской свадьбе). Впрочем, введение такого обряда предварительного сватовства в ритуал объясняется русским влиянием лишь отчасти, так как большую роль сыграло усиление социальной и экономической дифференциации карельского крестьянства: в богатом доме действительно могли не принять сватов от бедного жениха.

Немало элементов, заимствованных из русской обрядности, вошло также в демонстративно-символическую подструктуру карельского свадебного ритуала. Есть среди них и такие, что не получили массового применения, как например отмеченный у валдайских карел обычай демонстративно сжигать сразу после просватания девушки куделью с ее прялки, приговаривая при этом по-карельски: «*Palau vol'naja vol'uška*», т. е. «горит вольная волюшка».¹⁰ Зато повсеместно известны обычай и обряды, посвященные расставанию невесты с девичеством и «девичьей волей» (*neitčutvalta*), символами которых считалась лента и одна коса. Исключительно важное место в карельской свадьбе в целом занимал обряд «девичьей» или «невестиной бани» (*neitčutkyly, andilaskyly*), в котором воздействие аналогичного обряда русской свадьбы прослеживается совершенно отчетливо.¹¹ И наконец, можно назвать еще целую серию демонстративно-символических действий, перенятых из русской свадьбы вместе с обычаем, возникновение которого обусловлено господством патриархального уклада семьи и продиктовано стремлением публично подчеркнуть добрачное целомудрие (или ие целомудрие) невесты. Для этого у различных этнографических групп карел применялись разные способы. В олопецких деревнях принято было посыпать после брачной ночи к родителям молодухи дружек с бутылкой вина, которую обвязывали соответственно красной или белой ленточкой. В ряде мест южной и средней Карелии новобрачному в утре после брачной ночи полагалось с этой же целью начинать есть специально поданное ему кушанье — кисель либо яичницу — с краю (если невеста была целомудрепна) или с середины (в отрицательном случае). В севернокарельских деревнях зятю приносили от тещи блины (так называемое «признание зятя» — *vävyn tunnussus*),¹² у верхнего из которых новобрачный также

¹⁰ Virtaranta P. V. R. Petreliuksen matka Valdain karjalaisten luo 1892. — Kalevalaseuran vuosikirja, 1962, № 42, s. 202.

¹¹ Сурхаско Ю. Карелы в современной этнографической литературе Финляндии. — СЭ, 1966, № 2, с. 157—158.

¹² Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo—Helsinki, 1958, s. 688.

откусывал край или середину. Соответствующий смысл придавался передко и качеству посуды (целая или битая), в которой родственницы новобрачного подавали на стол угощение и которую затем разбивали. Надо, однако, отметить, что большинство карел, по нашим сведениям, не считало вопрос о целомудрии невесты столь уж важным и, напротив, неодобрительно относилось к тем редким случаям, когда молодой публично позорил свою жену. Тем не менее уже само существование представлений, что факт добрачного целомудрия невесты следует довести до всеобщего сведения, и более того — широкое практикование в этих целях разнообразных символических приемов, как правило, черепятых из свадебных обрядов соседнего русского населения, весьма показательны: они свидетельствуют о том, что влияние русской брачной обрядности сказывалось не только на ритуальном поведении карельского крестьянства, но и на его этических нормах.

В наиболее консервативной — религиозно-магической подструктуре карельского свадебного ритуала — тоже происходили характерные изменения. На основании сведений, относящихся ко второй половине XIX—началу XX в., можно сказать, что в карельской свадьбе этого периода в целом заметно возрастает удельный вес христианской обрядности. Прежнее формальное отношение к венчанию,¹³ допускавшее возможность более или менее длительного разрыва между свадьбой и фактическим началом супружеской жизни, с одной стороны, и церковным освящением брака — с другой, все больше вытесняется представлением о венчании как обязательном условии вступления брака в силу. В начале нашего века только северные карелы продолжали заключать браки по старинке и венчаться, когда придется. У большинства же карел к этому времени церковное венчание прочно вошло в состав свадебного ритуала. Более того, как в русской свадьбе, так и у карел (за исключением северных) поездка на венчание включивалась в обряд окружения невесты в молодуху, разбивая его на две части, вторая из которых — окончательная перемена девичьей прически на прическу замужней женщины — совершалась уже после венчания. У некоторых этнографических групп карел появился обычай, который должен был подчеркивать значение церковного венчания как решающего обряда при заключении брака. Если большинство карельского населения (современная КАССР) придерживалось традиции, согласно которой с момента «вручения» невесты жениху па «выводном столе» они постоянно держались вместе и в церковь ехали в одних санях, то у калининских и олонецких карел жених и невеста ехали в церковь порознь и лишь после венчания они садились вместе в сани молодого.¹⁴ Кроме того, в южных районах Карелии до-

¹³ Сурхаско, 1977, с. 165—166.

¹⁴ Колясников А. Я. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде. — ОГВ, 1866, № 5; *Lyydiläisiä kielenäytteitä*.

вольно широко, особенно у богатых крестьян, было принято приглашать служителей церкви на наиболее ответственные обряды свадебного ритуала (богомолье, приводной стол и др.). Примеру зажиточных крестьян нередко следовали и остальные, но те и другие обязательно приглашали на свадьбу и «колдуна».

Влияние христианства и русской свадьбы сказалось на эволюции роли колдуна в ритуале значительной части карельского населения южных районов КАССР. Если у собственно карел колдун (*патьвашка*) выступал как официальное лицо, которому вменялось в обязанность одновременно с выполнением прямых религиозно-магических функций также общее руководство свадебным ритуалом, то у южных карел (особенно у олонецких) колдун уже не руководил ритуалом, а свои «колдовские» дела нередко выполнял скрыто.

Некоторые изменения коснулись и состава свадебных чинов. Так, у южных карел КАССР (тем более у верхневолжских) руководство сватовством, а затем и собственно свадьбой возлагалось уже не на патьвашку,¹⁵ а на свата, сваху, дружек (шаферов) и т. п., сохранявших русские названия, функции и атрибуты. Так, первый (или старший) дружка — *drušk*, как и в русской свадьбе, не только руководил свадьбой, но и с помощью кнута оберегал брачующихся от порчи и прочего зла, хотя основная магическая профилактика возлагалась на колдуна — *klietnikk*, *tiedoinikk* и т. п. Русская терминология вообще широко проникла в карельскую свадьбу.¹⁶ Так, например, упоминавшееся выше название колдуна *klietnikk* (русск. *клетник*) в ряде мест бытовало паряду с патьвашкой, а в Кондопожском р-не совсем вытеснило его.¹⁷

Для обозначения жениха и невесты тоже широко использовались русские термины: *ženihh*, *nev'esta*, *knägin'* и т. п., хотя применялись также собственные — *sulhani*, *andilas*. Как синоним карельским названиям поезжан (*ottajat*, *sulhaiskanza* и др.) часто встречается прямое русское заимствование (*pojezdžanad*). Аналогичное происхождение имели и многие другие термины, бытующие среди карел, как-то: *br'udgad* (сев.-рус. *брюдга*), *molodoit*, *moloduha* и др. Русские термины применялись и для обозначения некоторых элементов обрядности и отдельных обрядов: *duma* (дума — совет родственников невесты во время сватовства), *čarkat* (чарка — обряд угощения свадебников вином и сбора

Helsinki, 1934, s. 165, 256; Manzin K. Karjalaste pulmakommetest. — In: Lääneremeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970, s. 27.

¹⁵ Сурхаско, МАЭ; Сурхаско, 1977, с. 67—71.

¹⁶ См., например: Никольская (Гароева) Р. Ф. Верхний Олонец — поселок лесорубов. М.—Л., 1964, с. 128.

¹⁷ Сурхаско, 1977, с. 69, рис. 2 (карта). Заметим, что некоторые финские исследователи довольно аргументированно доказывают, будто и слово *патьвашка* происходит от новгородского термина *подвойский* (Vahros J. Suur-Novgorodin patvaška. — Virittäja, 1966, № 1).

«пособи»), *pritoanie (приданое)* и др. Весьма показательно, что даже название свадебного ритуала — *свадьба* — у большинства карел КАССР заимствовано от русских — *svoadibo*; лишь у северных и финляндских карел, а также у финнов-суоми сохранилось собственное, общее для карел и финнов название — *hiät, häät*.¹⁸

И все-таки наиболее ярко влияние русской культуры и русского языка сказалось на свадебной поэзии карел: не случайно у многих наблюдателей уже во второй половине XIX — начале XX в. сложилось представление, будто карелы вообще не имеют своих песен.¹⁹ Действительно, русские игровые и свадебные песни бытовали у карел в этот период в сущности повсеместно, за исключением, пожалуй, только северо-западного — калевальского — уголка Карелии; в ряде мест, особенно у южных и верхневолжских карел, они полностью или почти полностью вытеснили традиционные свадебные песни-руны. Русские песни исполнялись отчасти в переводах, по чаще на русском языке, правда, нередко с искажениями, поскольку многие исполнительницы не понимали слов; у людей, например, русские песни органично влились в традиционный песенный репертуар, и население даже перестало отличать их от собственных, карельских.²⁰ Для сравнения заметим, что финские лирические и игровые песни, хотя и были гораздо понятнее карелам, чем русские, бытовали только в очень узкой пограничной полосе.²¹

Широкое заимствование и усвоение русских игровых, плясовых и лирических песен, вошедших в свадебный репертуар, объясняется интенсивным проникновением в быт карельской молодежи танцев и игр, для которых у карел не было своего песенного аккомпанемента, — *шина, кругуга, шештёлкки, короля* и др.

В свое время Л. М. Кершнер уже отметила такие пополнившие карельский свадебный репертуар русские песни, как «Что же ты, черемуха», «Не пой, соловьюшко», «Кто эту дорожку проторил».²² По нашим материалам, к ним можно еще добавить песни: «Сяду я на лавочку», «Скоро-скоро», «Из-за лесу, лесу темного», «Жарко-жарко свечи горят» (последняя известна также в карельском переводе), «Ой ты, Ваня, разудала голова», «Во горенке, во новой», «Да-й по си-да по сипечкам», «Ой с боры, с боры Танюшенька» и др. В южных районах Карелии в числе свадебных песен зафиксировано «Виноградье», исполнявшееся в качестве ве-

¹⁸ Сурхаско, 1972, с. 105, рис. 3 (карта).

¹⁹ Иванов А. И. Повенецкие корелы. — ОГВ, 1863, № 9—10; Чубинский П. П. Статистико-этнографический очерк корелы. — Тр. Арханг. губ. статист. комитета за 1865 г., кн. 2. Архангельск, 1866, с. 121; Голубцов Н. Архангельская Карелия. — ОГВ, 1910, № 6.

²⁰ Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения. — СЭ, 1976, № 3, с. 66.

²¹ Кершнер Л. М. О мелодике карельских народных песен. — В кн.: Карельские народные песни. М., 1962, с. 27.

²² Там же, с. 19.

личания, так же как и на северорусской свадьбе. Для наглядности приведем хотя бы несколько строчек варианта, записанного в 1936 г. у салминских ливвиков (транскрипция У. Манионен):

Winokraatu tzatu krastoot,
Winokraatu silonnoi rastunt,
Aja kota, aja kota nalivai, nalivai!..
... Livan suolam, liepom pahnit,
Annuska mõõdäm, vinokraadom pahnit²³

Наряду с песнями карелы, имея свою высокоразвитую и, видимо, очень архаичную традицию причитывания, широко заимствовали из северорусской свадьбы отдельные мотивы причитаний (как, например, мотив о венце сне невесты) и даже целые причеты, которые могли исполняться как на русском языке, так и на карельском. Особенно пришельцам было причитывать по-русски на свадьбах у людиков.²⁴

Карелы перенимали у своих русских соседей также многие прозаические свадебные формулы, которые произносились либо в карельском переводе, либо в оригинале. В сегозерских деревнях, например, при раздаче даров родственникам жениха кто-нибудь из родных невесты хвалил ее по-русски: «Ваша невеста умно жила, тонко пряла, звоночко ткала, шелком шила, шелком и вас одарила. Подайте, господа, расчет».²⁵ Произнесение таких фраз не вызывало затруднений, так как карельское население в подавляющем большинстве и в прошлом было двуязычным — особенно в зоне контакта с русским населением.²⁶ Влияние русской обрядности сказывалось даже в формах обращения участников ритуала друг к другу, а именно в обычай называть по имени и отчеству. В Юшкозере, например, невеста подносила жениху рюмку вина с поклоном: «Князь молодой, Иван Петрович, пожалуйста».²⁷

Объем статьи не позволяет нам показать все многообразие примеров более или менее явного воздействия русской обрядности на карельскую свадьбу. Но, по-видимому, и сказанного достаточно, чтобы убедиться: это воздействие было действительно чрезвычайно интенсивным и разноплановым, причем интенсивность его возрастала по мере приближения к нашему времени.²⁸

²³ Фолькл. архив О-ва Финской лит-ры (Хельсинки), материалы У. Манионен, 1936 г., шифр Е 363, л. 4; Фонотека ИЯЛИ КФ АН СССР, № 88, 1959 г., Юркостров (далее: Фон. ИЯЛИ). Ср.: Лирика русской свадьбы. Сост. Н. П. Колпакова. Л., 1973, с. 157 и сл., № 312.

²⁴ Карельские причитания. Изд. подг. А. С. Степанова, Т. А. Кошки. Петрозаводск, 1976, с. 11.

²⁵ Фон. ИЯЛИ, № 580—582.

²⁶ Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы..., с. 233 и др.; Клементьев Е. И. Развитие языковых процессов в Карелии. — СЭ, 1974, № 4 и др.

²⁷ Фон. ИЯЛИ, № 740—741.

²⁸ Сурхаско, 1972, с. 104—106.

К сожалению, изучение этнокультурного взаимодействия карел с соседними народами на основе материалов брачной обрядности весьма затруднено слабой изученностью свадебных обрядов у этих народов. По русской свадьбе Карелии тоже до сих пор почти нет серьезных исследований; исключение составляют, пожалуй, лишь работы Н. П. Колпаковой (заонежская и поморская свадьба) и Т. А. Бернштам (поморская).²⁹ Тем не менее даже при таком состоянии вопроса можно заметить, что карельская брачная обрядность не только испытывала воздействие русской свадьбы, но и сама в какой-то мере оказывала ответное влияние на последнюю.

Примечательно, что еще во второй половине XIX в. русские этнографы понимали, что культурные связи русских с северными соседями (в частности, с карелами) посили обоюдосторонний характер и что в результате длительного и близкого общения «как русские, так и карелы многое перенимают и заимствуют друг от друга, начиная от языка и кончая покроем одежды».³⁰ В наше время эта мысль получила дальнейшее развитие в работах К. В. Чистова: к числу факторов, формировавших «важнейшие общие особенности северорусского обрядового комплекса», он относит, в частности, «контакты с неславянским населением европейского Севера, развивавшимся в сходных или даже тех же самых экономических, социальных и политических условиях (карелы, вепсы, коми)».³¹ Особой активностью, приводившей не только к интенсивному культурному обмену, но также к брачным связям между разнотническими группами и двуязычию, эти контакты отличались в маргинальных районах.³²

Действительно, столь поражавшая многих наблюдателей близость свадебных обрядов карел и соседнего русского населения не всегда объясняется русским влиянием, по в какой-то степени обусловлена обратным влиянием карельской свадьбы на русскую, основным проводником которого являлся, надо полагать, карельский этнический субстрат.³³ Во всяком случае, сравнивая свадеб-

²⁹ Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд. — В кн.: Фольклор Карело-Финской ССР. Сб. статей. Вып. 1. Русский фольклор. Петрозаводск, 1941; Бернштам Т. А. Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, и др.

³⁰ Лесков Н. О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии. — ЖС, 1892, вып. 2, с. 97; Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. — В кн.: Сборник народных юридических обычая, т. 1. СПб., 1878, с. 5.

³¹ Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 16 (далее: Чистов, 1974).

³² Чистов, 1977, с. 7.

³³ Ср. аналогичное взаимовлияние между свадьбой коми и русской свадьбой: Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Обряды и приучения. Сыктывкар, 1968, с. 110.

пую обрядность карел с известными нам, хотя и не обобщенными материалами по русской свадьбе Прионежья и Беломорья, можно обнаружить немало аналогий, дающих некоторое представление о степени и характере влияния карельской культуры на русскую.

В этом отношении весьма интересны, например, такие элементы социальной, юридической и экономической подструктур русского свадебного ритуала, в которых находили свое отражение несколько большая — по сравнению с общерусским положением — самостоятельность молодежи (особенно девушек) в вопросах брака и коллективизм, корни которого тянутся к традициям родовой и большесемейной общины. Так, например, случаи браков уводом, убегом в Поморье и Прионежье аналогичны карельской традиции самовольного брака «уводом на кончике платка»;³⁴ возможно, последняя способствовала появлению или сохранению у русских обычая допускать браки-«самоходки». Крестьянки из русских деревень Прионежья в разговоре с автором статьи считали нужным подчеркнуть, что девушку невозможно насильно выдать замуж. Небезынтересно в этой связи отметить обычай поморов Терского берега Белого моря: девушка, не желавшая стать женой сватающегося к ней парня, могла публично продемонстрировать свое несогласие, гася платком огонек лампадки, — подобно тому, как поступала в таких случаях невеста у северных карел.³⁵ Этот обычай известен и в ряде других поморских районов.

Коллективный характер свадебного ритуала, выражавшийся у карел, помимо прямого участия многочисленных родственников (и даже односельчан) в обрядах, также в оказании посильной экономической помощи жениху и невесте (последней особенно), имел аналогичное проявление у русских Заонежья, где невеста в предсвадебные дни тоже обходила родню, собирая «пособье».³⁶

Карельским влиянием можно объяснить, по-видимому, и своеобразный обычай дополнительного откупа за невесту, зафиксированный у поморов Терского берега Белого моря. Здесь дружка после выхода свадебников из дома невесты возвращался в избу и с возгласом: «Здорожало!» или «За косу!» — бросал на стол горсть монет.³⁷ У северных карел патьявшка тоже возвращалась в дом и вручал деньги матери невесты.

Среди русского населения Прионежья известны также обычай социального характера, имеющие, надо полагать, первоисточ-

³⁴ Сурхаско, 1977, с. 41, 57. О браках-«самоходках» у русских говорится во многих работах XIX—XX вв.

³⁵ Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969, с. 28; Сурхаско, 1977, с. 82, 83.

³⁶ Колпакова Н. П. Старинный свадебный обряд, с. 168.

³⁷ Балашов Д. М., Красовская Е. В. Русские свадебные песни..., с. 66; Бериштам Т. А., Лапин В. А. Поморы Кандалакшского и Терского берегов Белого моря. — В кн.: Отчеты полевых исследований ИЭ АН СССР. М., 1972; ср.: Сурхаско, 1977, с. 149, 150.

ником карельскую (или вепсскую?) традицию праздничной гостыбы девушек (адиво) в семьях родственников, проживающих в других деревнях.³⁸ Кстати, брачно-родственные связи между населением русских и карельских деревень (особенно между людиками и русскими Прионежья) существуют, по нашим наблюдениям, и поныне, в прошлом же эти связи поддерживались гостьюной русской молодежи в карельских деревнях и наоборот, что способствовало росту национально-смешанных браков в зоне этнического порубежья.

Модификацией традиции праздничной гостыбы девушек представляется, с генетической точки зрения, карельский обычай приглашать на время свадьбы в дом невесты ее незамужних родственниц (у северных карел они известны под названием *какрапокко*); эти девушки-гостины были по обычаям развлекать невесту, помочь ей в обрядах подготовки к браку, помогать также в приготовлении приданого и даров и т. д. Имеются сведения о бытованиях подобного же обычая у русских, живущих по р. Онеге.³⁹ Имеем ли мы здесь дело с влиянием карельской свадьбы, сказать трудно, так как нам неизвестно, характерен ли этот обычай для русской свадьбы в целом.

Как уже говорилось, общение между русской и карельской молодежью всегда было довольно интенсивным, что, естественно, благоприятствовало активному культурному обмену. Но если карелы перенимали от русских, например, их игры, танцы и песни, то русская молодежь в ряде местностей усваивала от карел даже их религиозно-магические представления. В частности, весьма развитый у карел комплекс обрядов и суеверий, связанных с почитанием *лемби* (приблизительно соответствует русскому понятию *славутность*), оказал заметное воздействие на половую магию у соседнего русского населения. Неудивительно, что русские девушки во многих русских деревнях пользовались теми же, что и карелки, магическими приемами для усиления своей славутности; более того, по некоторым сведениям, они еще в 1920-е годы продолжали прибегать с этой целью к помощи карельских «колдунов».⁴⁰ Карельским же влиянием можно, очевидно, объяснить и то особое место, которое занимал колдун в свадьбе некоторых северорусских районов. Если обычно колдуна приглашали только на время собственно свадьбы (да и то ему передко приходилось выполнять свои функции тайно),⁴¹ то в Петрозаводском уезде, например, клетишка приглашали уже на сватовство, а на Помор-

³⁸ Сурхаско, 1977, с. 47—48.

³⁹ Гл. В. Свадебные обычаи онежан прежде и теперь. Архангельск, 1918, с. 4.

⁴⁰ Kylästä kylään. — Punainen Karjala, 1927, № 45; Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Toimittanut A. R. Niemi. Helsinki, 1921, s. 1101.

⁴¹ Mahler E. Die russischen dörflichen Hochzeitsbräuche. Berlin, 1960, S. 357.

ском берегу колдун вообще играл «большую, чуть ли не главную роль» на свадьбе.⁴²

В других подструктурах северорусского свадебного ритуала тоже можно обнаружить довольно явственные следы воздействия карельской обрядности. Назовем наиболее яркий пример, зафиксированный в Заонежье и в Пудожском уезде, — обычай чествования новобрачных и других участников свадьбы качанием; но в отличие от карел, которые сажали молодых, а затем и прочих свадебников попарно на скамью и троекратно поднимали с криками «ура», в заонежских деревнях принято было качать на руках.⁴³ Учитывая тот факт, что обычай качания (*hypittiä*) бытовал только у карельского населения южных районов Карелии и Тверской губ., а также у финнов⁴⁴ и вепсов,⁴⁵ можно полагать, что карелы в данном случае выступали скорее всего в роли посредника.

Не располагая данными относительно степени распространенности большинства интересующих нас сходных с карельскими элементов свадебной обрядности русского населения, очень трудно бывает определить их этническую принадлежность. Для того чтобы установить в каждом конкретном случае, являются ли элементы характерными для северорусской свадьбы в целом или для локального обрядового комплекса, вошедшими в него под карельским (или иным) воздействием, необходимо картографирование в масштабах региона. В последние годы все настоятельнее ставится и обсуждается вопрос о проведении широких сравнительных исследований брачной обрядности народов европейского Севера, ибо такие исследования позволяют «репить, в каких случаях может идти речь о заимствовании (одной или другой стороной) или о процессе совместного творчества сходных форм, или, наконец, их сближении в условиях этнических контактов».⁴⁶

Дальнейшее сравнительное изучение свадебных обрядов народов Русского Севера, выявление их этнических и локальных особенностей с помощью картографирования и других сравнительных методов может внести весьма существенные поправки в нашу интерпретацию, осознать механизм взаимодействия между карельской и русской обрядностью.

⁴² Ялгубская свадьба. — ОГВ, 1909, № 67; Бернштам Т. А. Свадебная обрядность, с. 187.

⁴³ Корениной П. Село Космозеро. Свадебный день в деревне. — ОГВ, 1910, № 28; Шайжин П. Свадьба в Нигзикме. — ОГВ, 1903, № 125.

⁴⁴ Нагва У. Naimatapoemme historiaa. — Kalevalaseuran Vuosikirja, 1941, № 21, с. 39; Paulaharju S. Kainuun mailta. Helsinki, 1922, с. 207.

⁴⁵ Näytteitä äänis — ja keskivepsän murteista. Helsinki, 1951, с. 213.

⁴⁶ Чистов, 1974, с. 17; Чистов, 1977, с. 3—10; см. также в кн.: Ареальные исследования в языкоизнании и этнографии. Л., 1977; Русский народный свадебный обряд. Материалы и исследования. Л., 1978.